

С 210
33

оль Франс

ОСТРОВ
пинвинов

Анатоль Франс

210

33

Государственное
Издательство
Художественной Литературы
Москва Ленинград
1951

загоды, прядальни, проводились дороги по лесам и болотам; реки покрылись судами. Деревни превратились в большие села и, соединившись по нескольку вместе, образовали город, который защищал себя глубокими рвами и высокими стенами. Потом, когда город сделался столицей большого государства, ему стало тесно в его укреплениях, и их превратили в зеленые дороги для прогулок.

Город разбогател и сильно расширился. Все дома казались все еще недостаточно высокими для жителей. Их надстраивали все выше и выше. Строили дома в тридцать и сорок этажей, где помещались конторы, магазины, бани, правления обществ, а в землю глубже и глубже прорывались погреба и туннели. Пятнадцать миллионов людей работали в гигантском городе...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман «Остров пингвинов», написанный в 1908 году, принадлежит к наиболее выдающимся произведениям Анатоля Франса (1844—1924). В эпоху упадка и загнивания буржуазного искусства Франс противопоставляет империалистическому варварству великие традиции гуманистов, просветителей и демократов мировой литературы. По своей обличительной силе и сатирическому пафосу «Остров пингвинов» примыкает к великим произведениям Рабле, Свифта, Вольтера, Салтыкова-Щедрина.

Максим Горький говорил, что Анатоль Франс «прежде всего изумляет своим мужеством и духовным здоровьем». Это мужество писателя и гражданина блестяще обнаружилось не только в художественном творчестве: в знаменитом деле Дрейфуса Франс вместе с Э. Золя и Ж. Жоржесом вступил в открытую бой с мрачными силами империалистической реакции. Когда в России разразилась революция 1905 года, Франс встал на защиту героического русского пролетариата. Придавая огромное значение русской революции, Франс, возглавивший «Общество друзей русского народа», с исключительной прозорливостью говорил о том, что «русские революционеры оказали решительное влияние на судьбу своей страны и на судьбу всего мира. Русская революция — революция всемирная. Она продемонстрировала перед мировым пролетариатом свои средства и свои цели, свою мощь и свой жребий. Она угрожает всякому деспотизму, всякому угнетению, всякой эксплуатации человека человеком... На берегах Невы, Вислы и Волги — вот где решаются ныне судьбы новой Европы и будущего человечества». В конце своего жизненного пути Франс решительно перешел в лагерь демократии и социализма.

Генеральный секретарь коммунистической партии Франции Морис Торез видит в Анатоле Франсе «одного из последних пред-

ставителей буржуазного гуманизма, человека, который на заре своих дней повернул в победоносную русскую революцию. Он сумел разгадать, кому именно в нашей «демократической» стране принадлежит подлинная власть. В своем «Острове пингвинов» он иронически замечает: «Избавившись от власти королей и императоров, трижды провозгласив свою свободу, Франция покорилась финансовым компаниям, которые распоряжаются богатствами страны и при помощи пролабной прессы управляют общественным мнением». И еще Анатоль Франс сказал: «Думают, что умирают за отечество, а на самом деле умирают за промышленников».¹

В романе «Остров пингвинов» Франс с небывалой дотоле резкостью и сокрушительной силой обрушивается на современную ему буржуазную действительность. Он показывает неотвратимость и неизбежность гибели общества, основанного на социальном неравенстве, эксплуатации, насилии и угнетении. Вся жизнь общества с того времени, как оно было разделено на классы, по словам писателя, «соткана из преступлений, бедствий и безумств».

Парфосом отрицания пронизана вся франсовская концепция человеческой истории. Это отрицание принимает универсальный характер. Оно распространяется на все исторические эпохи — от раннего феодального средневековья до империализма, в недрах которого общественное зло принимает особенно страшную и бесчеловечную форму. Франс стремится обнажить корни общественного зла, проследить его возникновение и дальнейшую эволюцию; для этого он обращается к истории, которая дает обильный материал для гневных, сатирических обличений.

Франс сознательно уклоняется от изображения положительных фактов и героических эпизодов народной жизни Франции — он это делал в других произведениях. В «Острове пингвинов» он выступает во всеоружии как сатирик, приговаждающий и позорному столбу врагов народа всех толков, факельщиков войны, душителей свободы, эксплуататоров и насильников. Беспощадно бичует современное буржуазное общество и государство, писатель тем самым властно призывает к их радикальному и коренному изменению — таков объективный смысл романа. Франс был проникновен глубокой веры в светлое будущее человечества, об этом свидетельствует множество его высказываний. В предисловии к своей книге «Жизнь Жанна д'Арка» он с горячим воодушевлением восклицает: «Я верю в будущее единение народов, и я принимаю его». Свою речь, произнесенную в честь Дидро, он заканчивает словами, полными оптимизма: «Победа пролетариата неизбежна...

¹ Морис Торез. Сын народа, М., 1950, стр. 60.

Она уже шаркает над миром с непреложной ясностью геометрического построения». Статья, посвященная революции 1905 года в России, завершается боевым призывом: «Пролетарии всех стран, соединитесь, дабы подготовить пришествие социальной справедливости и мира во всем мире!» Однако, вследствие ограниченности и прозаичности мировоззрения Франса, он в финале романа «Остров пингвинов» неожиданно приходит к пессимистическим выводам, отрицая прогресс и возможность революционного обновления жизни. На этой прогресс и возможность погибающей пингвинской (читай: буржуазной) цивилизации снова начинают создавать мир по старой схеме. Двигающийся вперед, порочном круге, они повторяют пройденный цикл развития и упадка. Таковы глубоко ошибочные выводы, к которым приходит А. Франс. Впрочем, жизнь внесла существенную поправку в этот пессимистический финал. Сам Франс вскоре убедился в ложности такой теории. Он радостно приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, открывшую новую светлую эру в истории человечества.

Важно, что разная сатира «Острова пингвинов» нанесла мощный удар ненавистному старому миру, что она сохранила до наших дней свою актуальность и злободневность.

Реакционная критика, кичась своим мнимым патриотизмом, обвиняла Анатоля Франса в надругательстве и глумлении над историческими проблемами французского народа. В этом «нравственном» негодном доведении ретриверов нет ничего нового. Задолго до появления «Острова пингвинов» те же самые аргументы были пущены в ход русской консервативно-монархической критикой против «Истории одного города» великого сатирика и революционного демократа М. Е. Салтыкова-Щедрина. Франсовская сатира была, конечно, порождена не презрением, а горячей любовью к своей стране, — недаром М. Горький говорил, что «Анатоль Франс всеотворенно и глубоко связан с духом своего народа». Франс лишь силой исторического прошлого («усальную позолоту аждапатриотизма и клерикально-националистических измышлений».

Рисуя историю Франции (ибо именно она зашифрована под именем Пингвинии), писатель пользуется сказочно-фантастической формой повествования. Он прибегает к широким аллегориям, смелому вымыслу, гротеску, пародии, шаржу, карикатурным преувеличениям, но в основе этой сатирической фантастики, как правило, лежат реальные события и факты. Само собой разумеется, что Франс не претендует на точное и последовательное изложение французской истории. Он выбирает из нее узловые моменты, сосредоточив, главным образом, внимание на современной действительности. Общественная жизнь Тре-

твей республики изображена с наибольшей полнотой и силой; именно она является главной мишенью для сатирического обстрела.

Великоплетное историческое чутье помогло Франсу в ярких зарисовках воссоздать колорит и дух французского средневековья. С несравненным остроумием высмеяны христианские легенды о святых и мучениках, чей кураж в течение столетий так старательно и своеобразно поддразнивает католическая церковь. Франс с убийственной иронией рассказывает о ловких пройдохах и плутах, бесстыдно эксплуатировавших при помощи церкви народные суеверия. Так «дева» Орбероза, будучи распутной, «укротила» свирепого дракона, который на самом деле была ее рваным мужем Кракеном. За этот «подвиг» небесной заступницей Пингвинии: «Она валичила очень тяжелые болевши, в особенности искривление ног, водянку, паралич и пажку святого Витта. Монахи — хранители гробницы жили в завидном богатстве...»

В таком же саркастическом духе Франс объясняет происхождение королевской власти. Она является, что предпринимчивый грабитель и вор Кракен, некогда под видом дракона опустошавший страну, умер в богатстве и славе, а его сын «основал первую королевскую династию Пингвинов». Антиклерикальные мотивы французской сатиры органически сливаются с резкой антимонархической темой. Буйного, кровожадного феодала неизменно поддерживает служитель церкви. Злодейство меча всегда освящается крестом. А религия в свою очередь упорно чинила свое господство путем насилий, пыток и казней: «... неизменность церковных обрядов сильно способствовала твердости и единению верующих: всякого пингвина, который думал иначе, чем другие, сейчас же сжигали».

Франс ярко показывает глубокую антинародность всякой монархической власти. В эпоху средневековья Дракон Великий (под которым подразумевается император Карл Великий) разорял, мучил и истязал народ: «Правосудие его совершалось с величайшей строгостью. Когда взятые в плен крестьяне не могли заплатить за себя выкуп, он вешал их на первом дереве; если же какая-нибудь несчастная женщина умоляла его пощадить ее несостоятельного мужа, он влочил ее за собой по земле, привязав за волосы и хвосту своей лошади». Однако Дракон Великий в принципе мало чем отличается от Наполеона, который выступает в романе под именем Триппо. Франс смело развенчивает наполеоновскую легенду. Он видит в Наполеоне предателя революции 1789 года, необузданного агрессора, ненастный пожиратель человеческих жизней, пронесшего по всей Европе факел войны: «Новый дра-

кон, подобие анта среди лягушек, пожирал их в течение сорокадвяти лет своим ненастным клювом... Он оставил Пингвинию обезлюдившей и опустевшей. Цвет населения погиб в его войнах. После его падения у нас на родине остались только горбатые да хроме...»

Франсовская сатира перерастает в острейший политический памфлет, когда писатель переходит к изображению общественно-социальной жизни Третьей республики конца XIX и начала XX веков. Паразитический, агитирующий капитализм предстает здесь во всей своей гнусной наготе. Франс рисует чудовищную коррупцию всего государственного строя: стяжательство, всеобщую продажность, развращенность и аморальность министров, предающих и продающих свою страну; пошлую трагикомедию «правосудия», грязные и преступные интриги монархистов и клерикалов.

У кормила государственной власти стояли авантюристы и проходимцы, отдавшие страну на разграбление капиталистическим воротилкам. Кабинет министров возглавлял парийный шаржун, завсегда давший театральные кулисы, ваяточник и доверенный слуга промышленных корпораций. Финансами ведал биржевой спекулянт и пройдоха, забывшийся о сверхприбылях для капиталистов: «Действительно, вскоре напались молоком богатства три союда современных наций: монополии, ажиотаж и дутые спекуляции. Уже пошла слухи об экзеквциях в далекие страны, о колонизациях, и наиболее смелые журналисты говорили о проекте военного и финансового протектората над Нигрицией».

Военным министром помывкала женщина легкого поведения, шпионка, состоявшая на даловании «у соседнего враждебного государства». Морской министр, выживший из ума, пресмыкался перед закоренелыми монархистами, мракобесами и клерикалами. Министр иностранных дел, тулуда и бюрократ, одержимый графоманией, был окружен целой сетью шпионов, которые продавали секретные документы военным аташе соседней империи. Парламент походил на балаган, в котором паясничали ловкие демагоги под восторженное улюлюканье «желтой» прессы.

Таковы в сатирически-остром и типическом изображении Франса люди, которые вершили делами Третьей республики. Они несомненно связаны теснейшими узами духовного родства с министрами современной Франции.

В «Острове пингвинов» много места уделено реакционному духовенству. Католические попы всех рангов на глазах у «антиклерикального республиканского правительства» развивали бешеную агитацию за восстановление монархического строя и разжигали в своей пастве расовую нетерпимость и ненависть. Клерикалам принадлежала весьма

видная роль во всех грязных махинациях, общественных смутах и антинародных заговорах. Буржуазная демократия — это лишь демократическое безгранично обогащаться и вести разбойничьи войны. Французская республиканская демократия показывает дряхлость и маразм буржуазного республиканского режима, являющегося только ширмой для аристократической олигархии, которая создавала общественное мнение через газеты и держала в своей власти депутатов, министров и президента. Она властно управляла финансами республики и направляла внешнюю политику».

Тем не менее оголтелая реакция неоднократно покушалась даже и на самые жалкие «демократические свободы». Она стремилась свалить и уничтожить республику. В истории «амирала Шатильона» Франс с исключительным сатирическим мастерством воспроизводит почти все перипетии монархического заговора генерала Буланже, действительно имевшего место во Франции в конце 80-х годов XIX века. Причем Франс обнажает тайный механизм этого заговора, подлую роль католического духовенства и аристократии, беспринципность и предательство буржуазного республиканского правительства.

Для характеристики французских милитаристов, шовинистов, воинствующих клерикалов и прочих черносотенцев Франс с блестящим сарказмом и политическим темпераментом излагает скандальное дело Дрейфуса, которое фигурирует в романе под аллегорическим наименованием «Дела о восьмидесяти тысячах охапок сена». Капитан французской армии Дрейфус, носящий в «Острове пингвинов» псевдоним Пиро, был ложно обвинен в измене и приговорен в 1894 году к пожизненному заключению. Это вопиющее беззаконие послужило поводом для острого столкновения прогрессивных сил Франции с черными силами реакции. Анатоль Франс, глубоко поняв политическую сущность дела Дрейфуса, бросил яркий свет на закулисные режиссеры этого позорного процесса. Он с огромной силой разоблачил потрясающий цинизм буржуазного суда, который нагло гламурился над элементарной справедливостью, хвастает фальсификацией и подлогами, служит верой и правдой империалистическим заповедям государства. Военный министр Пингвиний Греток, руководивший делом Пиро (Дрейфуса) был не простым аферистом, а «теоретиком» и «философом» плутовства и подлога: «Поддельные документы, в общем, более ценны как доказательства, чем настоящие, во-первых, потому, что они следуют на заказ для данного случая, во-вторых, потому, что они точны и верны. Но они лучше настоящих еще и потому, что переносят нас в идеальный мир и отвращают от действительности...».

Бросив в тюрьму ни в чем не повинного капитана Дрейфуса, черносотенная свора министров, депутатов, солдафонов, клерикалов и журналистов подняла на щит действительного государственного преступника графа Эстергази, фигурирующий в «Острове пингвинов» под именем графа Мобека де-ла-Дандюлинка, получает в романе Франса уничтожающую характеристику. Этот титулованный аристократ покаялся как негодяй и проходилец, погрязший в тине гнусных афер. Этот обвинявший авантюрист украсил своим дворянским гербом публичный дом, ставший единственным источником его доходов.

Какой степени падения достигла Третья республика, если люди, подобные Дандюлинку, становятся символом национальной чести! Граф де-ла-Дандюлинка, вор по профессии и погромщик по призванию, — один из предшественников современных французских фашистов.

Франс с изгодованием и сарказмом показывает, как буржуазная чернь и уличные громилы, разжигаемые человеконенавистнической пропагандой, неистово травят благородного и отважного Коломбана (Эмиль Золя), вступившегося за невинно осужденного Пиро (Дрейфуса). Убийственная характеристика буржуазного правосудия, данная в «Острове пингвинов» сорок с лишним лет тому назад, сохранила до наших дней всю свою разящую силу.

Рисуя общественно-политическую жизнь Третьей республики, Анатоль Франс с большой иронией отзывается об оппортунизме правых социалистов, продающихся за чечевичную похлебку империалистической буржуазии. Стоит им «выйти в люди», получить депутатский мандат или министерский портфель, как они сразу же забывают о своей левой фразеологии, проклиная заблуждения своей юности и становятся энергичными защитниками и охранителями капиталистического порядка. Таков, например, типичный реформист депутат Лариве, утверждающий, что «свобода... не то же самое, что своеволие. Я сделал выбор между порядком и беспорядком; революция — это бессилие; У прогресса нет более страшного врага, чем насилье».

Франсу заменяет его обычная пронциательность в трактовке народных масс. Они у него остаются в тени, хотя он к ним относится с явным сочувствием и симпатией. Народ, который, по словам Франса, глубоко привержен идеям свободы, справедливости, демократии и мира, на разе не выступает в романе как активная, борющаяся сила, творческая история. Народ, как правило, безучастен и пассивен. Это серьезная ошибка писателя, приведшая его к неверному, пессимистическому финалу «Острова пингвинов».

капитализм, для которого война «... является таким же естественным и законным состоянием, как эксплуатация рабочего класса».¹

За четыре десятилетия, истекшие со дня путешествия доктора Обюбия в Новую Атлантиду, там произошли большие перемены. Первая мировая война принесла немалым американским империалистам баснословные богатства; но, как пишет В. И. Ленин: «На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащаясь в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных...»²

В наши дни Соединенные Штаты Америки стали мировым центром империалистической агрессии. Несомненные самодержцы современной Америки заманивают третью мировую войну, в которой родине Обюбия — Франции предназначена трагическая роль поставщика пушечного мяса. Растленные потомки пингвинских министров усердно выслуживаясь перед новыми заокеанскими хозяевами, продают свою страну оптом и в розницу. Ее государственный суверенитет стал простой фикцией. Но французский трудовой народ, чью революционную, творческую энергию недооценил Анатоль Франс, исполнен боевой решимости бороться против империалистической агрессии за мир во всем мире.

Анатоль Франс является активным союзником всех честных людей в этой благородной борьбе. «Остров пингвинов», при всех своих идейных противоречиях, представляет собой грозный обвинительный акт против мировой империалистической реакции. Гневный и негодующий голос Анатоля Франса и поныне присоединяется к голосам борцов за мир, демократию и социализм.

И. Глиман.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 154.

² В. И. Ленин Сочинения, изд. 4-е, т. 28, стр. 46.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 3. *Луи Филипп* (1830—1848) — ставленник буржуазии, названный здесь «Первым» прощически, так как он был не только первым и последним королем, носившим такое имя, но и вообще последним французским королем.

Создавая пародийную историю Франции, А. Франс пользуется как вымышленными, так и подлинными историческими именами и названиями. Некоторые из вымышленных имен — смысловые, например, *Телья*, от лат. *talpa* — крот. *Бернардский монастырь* — название, образованное от английского слова *beargarden* — медвежий уголок (также употреблялись в парках) и вместе с тем пародирующее наименование очень распространенных в средние века «бернардинских» монастырей (от имени святого Бернарда, основателя известного монашеского ордена).

Стр. 6. Связывание названия *пингвинов* с латинским словом *pinguis* слова — пародия на лжеумудрствования ученых педантов. На самом деле название пингвинов происходит от бретонского (кельтского) словосочетания: *pen gwen* — белая голова.

— *Гиперборейцы* — так называли древние греки жителей далекого севера.

— *Оз liblime* (лат.) — клоп.

Стр. 7. *Клио* (греч. миф.) — муза истории.

— *Жако-философ* — лицо вымышленное. Жако — уменьшительное от *Жан*, обычная кличка попугаев.

— *Морские свинки* — англичане.

Стр. 9. *Фульгенций Тапир* — лицо вымышленное. Описывая внешность этого лжеученого, А. Франс намеренно придает ему сходство с тапиром (тапир — животное, у которого нос вытянут наподобие лобовки).